

вѣры, когда она была творческой силой, прошла, и тутъ слово автора обращается къ третьей силѣ, самой значительной: къ интеллектуальнымъ избранникамъ человѣчества, которые должны понять, что идея равенства, центральный пунктъ существованія, что равновѣсіе рождается въ социальномъ организмѣ изъ борьбы антогонизмовъ. Идея равенства для Готье такая же пустая идея, какъ и идея Единства, Целесообразности, Истины (123), и приводитъ къ Единству или ни къ чему. Всякій приговоръ социальной, божественной справедливости есть приговоръ смерти. (Реми де Гурмонъ).

На такихъ афоризмахъ строится современными «элитами» метафизическій градъ силы при яркомъ свѣтѣ интеллектуализма, позволяющемъ все сосчитать и взвѣсить. Но и язычники безвѣрія, вооруженные «моралью господъ», и рационалисты вѣры, видяшіе и знающіе все, считаютъ и взвѣшиваютъ безъ Хозяина. Нуженъ долгій и по времени очень мучительный путь — опытъ, чтобы эти души, заблудившіяся на извилистыхъ тропинкахъ діалектики и самообожествленія пришли обратно къ Богу Авраама, Исаака и Иакова, какъ была приведена обратно душа Гейне. «Послѣдній великій юмористъ», захотѣвшій быть іудеемъ, родившимся въ Аѳинахъ, Орфеемъ, пазорышнымъ вихарикомъ, на самомъ дѣлѣ былъ бѣднымъ романтическимъ Назаряниномъ, искавшимъ Суламию въ земномъ вертоградѣ и не нашедшимъ ея. Вопреки Ружье и для Гейне великій Папъ умеръ навсегда.

Г. Ловский.

Jean Baruzi. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique. Paris. F. Alcan. VII-790.

Въ комъ живетъ тоска по «градѣ невидимомъ», тотъ прочтетъ съ неослабѣвающимъ интересомъ это обстоятельное изслѣдованіе, посвященное профессоромъ Collège de France религіозному опыту одного изъ замѣчательнѣйшихъ мистиковъ XVI вѣка, Іоанна отъ Креста. Авторъ сумѣлъ передать и музыку такихъ лирико-мистическихъ произведеній какъ «Темная ночь души», «Духовная вѣселя», «Живое пламя любви», и психологически тонко освѣтить трудный путь восхожденія души «мистическаго доктора» до состоянія пассивнаго созерцанія и жизни просвѣтленной души въ Богѣ. Предъ нами не мучительный опытъ лучшей заблудшей души, а суровый подвигъ «совершеннаго» католическаго монаха, сумѣвшего въ своемъ «Восхожденіи на гору Кармель» — на гору вѣры — смыть печальныя строки жизни, и все таки за одноцвѣтной однообразной мелодіей отреченія отъ пріятствъ и соблазновъ жизни, за хлѣбомъ извѣяніемъ доктрины чувствуется долгій и мучительный подлинный опытъ.

Мы должны пройти презъ «ночь чувства» (noche del sentido) когда душа ранена, смущена, возбуждена вожделѣніемъ, «ангелитизма», какъ поверхность воды вѣтромъ. Такъ, «жарина Іовина отъ Креста» зарождается въ начальномъ отрицаніи міра, достигаемомъ усиліемъ воли. Когда мы потеряли вкусъ ко всемъ земнымъ вещамъ, мы vstupаемъ во мракъ духовной ночи (noche del Espíritu), гдѣ нашъ безпомощный разумъ ищетъ опоры въ пророческихъ пред-

сказаніяхъ, откровеніяхъ. Вѣра требуетъ смѣлости — надо отринути-ся отъ религіознаго матеріализма, останавливающегося на видѣньяхъ, воплощенныхъ или призрачныхъ, интеллектуальныхъ, на всемъ томъ, что авторъ вслѣдъ за I, отъ Кр называетъ « отчетливыми схватываніями » (*appréhensions distinctes*) Крикъ св. Терезы *de profundis Domine aut pati, aut mori!* теряется въ несобятныхъ пространствахъ этой мистической ночи, потрясающей своей молчаливой музыкой (*la musica callada*), звучащимъ одиночествомъ (*la soledad sonora*). Сюда не доносятся крикливые голоса суетнаго дня ; этой ночи не произываютъ молніи сверхъестественныхъ видѣній. Вѣрять не значить видѣть, и за прозрачной ясностью сверхъестественныхъ видѣній, которыми былъ полонъ мистическій опытъ св. Терезы, есть темный и недоступный Богъ, котораго мы можемъ угадать только въ молчаніи ночи. (524).

Здѣсь мистическая вѣра подаетъ руку критическому разуму : то не отвѣчать существу Бога, чтобы происходили чудеса, и если Богъ ихъ творить, то потому, что не можетъ сдѣлать съ душой большаго (543). Ветхій Заветъ насыщенъ медленной работой откровеній, словъ, видѣній; все это случилось въ одномъ Откровеніи, одномъ Словѣ, одномъ Видѣніи, — и затѣмъ, конечно, и навсегда! (527)

Въ отверженіи всѣхъ отчетливыхъ схватываній, даже когда они просачиваются тонкимъ ядомъ интеллектуальныхъ видѣній, авторъ видитъ самое оригинальное открытіе Іоанна отъ Кр.

Такъ « логикъ мистическаго опыта » ведетъ немолимой и твердой рукой человѣческую душу « въ короткое время » (*en breve*) на ту гору, гдѣ происходитъ ея встрѣча съ « Богомъ безъ модусовъ »

Душа въ своемъ полетѣ къ Богу стираетъ изъ памяти не только обобщенія чувственнаго міра, но и восхищающую прелесть молитвы, покаянія, вплоть даже до экстаическихъ полетовъ. Она — какъ голыя вершина, не покрытая никакой растительностью ; странное « не по себѣ » овладѣваетъ ею теперь, когда она прибѣгаетъ къ обычнымъ приемамъ дискурсивнаго мышленія ; отвращеніе ко всему, стремленіе къ одиночеству, когда самая близкія, дорогія намъ существа непоправимо далеки отъ насъ. Душа приблизилась къ трагическому порогу мистическаго причастія, когда она какъ бы виситъ въ пустотѣ, надъ пропастью (*l'exérécence abyssale*) — « безъ Божества, безъ вдохновенія » И въ тотъ моментъ, когда мы обрѣтаемъ Бога, у насъ такое чувство, точно мы Его теряемъ навѣки (592). Жгучее страданіе, непонятный хаосъ, полнѣйшая подавленность и безграничная тоска овладѣваютъ душой въ эту темную ночь, когда мы ходимъ на краю пропасти, ведомые какъ бы невидимой рукой.

И тутъ происходитъ величайшее чудо . въ душѣ сожженной, опустошенной внезапно зацвѣтаетъ вѣчная, неумирающая любовь къ Вседержителю. Конечно, нашъ разумъ, привыкшій думать какъ бы по замкнутымъ кругамъ, вноситъ и въ эту танцевальную область внезапнаго озаренія « законы внутренней логики » (508) и, считая безвозвратно пройденной ступенью « наивный » антропоморфизмъ Ветхаго Завета, не хочетъ впасть и въ «сверхчувственный феноменизмъ».

Выходъ изъ логическаго тупика находится въ Богѣ -- субстанціи, освобожденной отъ всякихъ модусовъ. Съ одной стороны, « ничто (nada), пропасть, мысли de profundis: чистота », а съ другой — « все (todo), полная жизнь въ Единомъ, радость слиянія общеобязательной, логически стройной доктрины съ личнымъ опытомъ чело-вѣческой души — монады безъ оконъ и дверей (318-9).

Такъ проф. Баруци, авторъ двухъ почтенныхъ философскихъ трудовъ о Лейбницѣ, нашелъ въ мистическомъ опытѣ и доктринѣ Іоанна отъ Креста предвѣщаніе близкой его сердцу Теодиней, но процессъ соприкосновенія (touché) двухъ голыхъ субстанцій, « духовный бракъ » души и божества описать имъ съ необыкновенной музыкальностью и тонкимъ психологическимъ искусствомъ. Правда, какъ для Іоанна отъ Креста божественное слово, такъ для проф. Баруци чело-вѣческія слова -- символы великаго мистика — стали закономъ, и онъ не пытается за словами разгадать молчаніе этой души, въ которомъ онъ видитъ нѣчто величественное (507). Тѣмъ съ большей силой онъ насъ пріобщаетъ къ той « мыслительной радости » (joie poétique) (708), которую въ немъ возбуждаетъ внутренняя логика стройной мистической доктрины Іоанна отъ Креста. Гдѣ настоящая жизнь въ Богѣ ? — въ лирико - мистическомъ ли концептѣ духовнаго « Сенеки », въ живомъ ли чувствѣ, освящающемъ плоть, или въ экстазахъ Плотина, уносящихъ насъ по ту сторону разума и разумомъ постигаемаго, это могутъ рѣшить люди на собственномъ мистическомъ опытѣ. Многообразія мистическаго опыта не отрицаетъ и авторъ этого великолѣпнаго научнаго труда.

Г. Ловцкій.

Кайзерлингъ. Die neunentstehende Welt Verlag Otto Reiche. Darmstadt. 1926.

Съ легкой руки Шпенглера, проблема крушенія нашей старой западно - европейской культуры и смѣны ея новымъ цикломъ чело-вѣческаго развитія стала за послѣднее время злободневной въ соци-ально философской литературѣ. Н. А. Бердяевъ посвятилъ этому вопросу свою извѣстную брошюру о «новомъ средневѣковѣ», въ которой со свойственнымъ ему талантомъ пытается намѣтить вѣхи грядущаго развитія чело-вѣчества Гуманизмъ, начавшійся съ самоутвержденія чело-вѣка, съ раскрытія свободной игры нашихъ силъ, привелъ въ конечномъ итогѣ къ изысканію его творческаго порыва, и чело-вѣческая личность оказалась отданной на расгерзаціе стихійныхъ вихрей матерій. Этой атомизаціи чело-вѣчества долженъ быть положецъ предѣлъ. Наступаетъ новое средневѣковье, знаменующее собою паденіе законнаго принципа власти, правового принципа монархіи и демократіи и замѣну его принципомъ силы, жизненной энергіей спонтанныхъ общественныхъ группъ и соединеній. Общественность, мораль, наконецъ, всѣ сферы жизни должны быть подчинены одному духовному началу. И вновь, какъ въ прежніе средніе вѣка, церковь должна сдѣлаться духовнымъ центромъ чело-вѣчества и въ своемъ творческомъ процессѣ, на какихъ-то мо-